

УДК 81'42

РАЗВИТИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ В БЕЛАРУСИ

В. И. ИВЧЕНКОВ¹⁾

¹⁾*Институт журналистики Белорусского государственного университета,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассматриваются условия формирования и особенности развития медиалингвистики в Республике Беларусь, прослеживается путь от исследования стилистических явлений в текстах СМИ до дискурсного анализа СМИ, определяется онтология такого взаимодействия, выявляется связующая роль стилистики и риторики в изучении языкового факта как социального действия. Показывается историческая связь изучения языка и стиля СМИ советскими учеными с работами современных медиалингвистов, особое внимание уделяется творческому наследию профессора М. Е. Тикоцкого, его трактовке теории стиля и публицистики как особого рода общественно-политической литературы. Выявляются существенные различия в преподавании языка и стиля СМИ на факультете журналистики и филологическом факультете, обосновывается речеведческая природа исследования медиатекста, устанавливаются приоритетные направления медиалингвистики в комплексном рассмотрении стилистических и социальных явлений.

Ключевые слова: медиалингвистика; стилистика; текст; дискурсный анализ СМИ; публицистика.

DEVELOPMENT OF STYLISTIC EXERCISE AND BECOMING MEDIA LINGUISTICS IN BELARUS

V. I. IVCHENKOV^a

^a*The Institute of Journalism of the Belarusian State University,
Kal'variiskaya street, 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus*

The conditions of formation and characteristics of media linguistics in Belarus, the path traced by the study of stylistic phenomena in the texts of the media to the media discourse analysis, defined ontology of such interaction, revealed the role

Образец цитирования:

Ивченков В. И. Развитие стилистических учений и становление медиалингвистики в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. 2017. № 1. С. 27–34.

For citation:

Ivchenkov V. I. Development of stylistic exercise and becoming media linguistics in Belarus. *J. Belarus. State Univ. Journalism. Pedagog.* 2017. No. 1. P. 27–34 (in Russ.).

Автор:

Виктор Иванович Ивченков – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования.

Author:

Viktor Ivchenkov, doctor of science (philology), full professor; head of the department of style and literary editing. diskurs03@mail.ru

of binding style and rhetoric in the study of language as a social fact of action. Showing the historical connection of language learning and the media style of Soviet scientists with the works of modern mediallyingvistov, special attention is paid to the creative heritage of Professor M. E. Tikotskii, his interpretation of styles and theories of journalism as a special kind of social and political literature. Revealed significant differences in the teaching of language and style of the media in the faculties of journalism and philology, justified by the nature of media text researched study, set priorities media linguistics in the integrated treatment of stylistic and social phenomena.

Key words: media linguistics; style; text; discursive analysis of media; journalism.

Возникновение стилистики явилось своеобразным ответом на вызовы гуманитарного знания, когда стала терять свои позиции риторика. Уход ее с общественной арены начался задолго до возникновения потребности в стилистике как науке, хотя стилистическое начало усматривалось еще в аристотелевской «Риторике»: «Не должно ускользнуть от [нашего] внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи, произносимой перед народным собранием, и в речи судебной» [1].

После Платона-теоретика, который в диалогах передал сократовское учение поиска истины и привел инструментарий «действенной» риторики, у Аристотеля обнаруживается «созерцательный» подход к арсеналу приемов и способов процедурной оратории. Она в последующем растворяется в разного рода *exercitatio* (с лат. – «упражнение»), вымышленных казусах, и предназначается для натренирования последующих поколений: *Exercitatio artem parat* – «Упражнения рожают мастерство» (Тацит).

Падение афинской демократии привело к падению риторики. Понадобилось много столетий, чтобы вернуть *aner politikos* (человека политического) в центр вербального круга. Римский форум, греческая агора и аналоги эволюционировали в виртуальный форум. Имеем обратный отсчет. «Понятие и термин “стилистика” появились в первой половине XIX в. после так называемой “смерти” риторики. Редуцируя изложение истории стилистики, можно несколько провокационно заявить, что последняя четверть XX в. принесла ей “смерть”» [2, с. 17].

Взгляды на позднюю риторику, каталогизированную и возведенную на олимп схоластики, передает В. Г. Белинский в рецензии на «Общую риторику»¹ Н. Ф. Кошанского, выдержавшую к тому времени девять изданий и считавшуюся самым авторитетным руководством: «Риторика получила свое начало у древних, – говорит критик. – Социализм и республиканская форма правления древних обществ сделали красноречие самым важным и необходимым искусством, ибо оно отворяло двери к власти и начальствованию. Удивительно ли, что все и каждый хотели быть ораторами, хотели иметь влияние на толпу посредством искусства красно говорить? Поэтому изучали речи великих ораторов, анализировали их и дошли до открытия тропов

и фигур, до источников изобретения; стали искать общих законов в частных случаях. Оратор сильно всколебал толпу могучим чувством, выраженным в фигуре вопрошения, – и вот могучее чувство отбросили в сторону, а фигуру вопрошения приняли к сведению: эффектная де фигура, и на ней как можно чаще надобно выезжать – всегда вывезет» [3]. Сегодня науке неизвестны новые виды (типы) тропов. Современник довольствуется тем, что было изобретено задолго до Нового времени...

Заключает рецензию Белинский горькими словами: «Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен; все риторики, сколько мы ни знаем их на русском языке, нелепы и пошлы; но риторика г. Кошанского перещеголяла их всех. И эта книга выходит уже девятым изданием! Сколько же невинного народа губила она собою!» [3]. Резкая критика имела основания: риторика утратила былую славу (и не только в России), на смену политического (совещательного) красноречия пришло эпидейктическое (торжественное), у которого были совершенно иные задачи.

Стилистика стала нужна в исследовании индивидуального творчества, когда пришло понимание, что за структурой языка кроется неисчерпаемое множество сочетаемостных (синтагматических) вариаций, которые неповторимы в каждом конкретном случае его использования. Образно это можно назвать ДНК-текстом, который, по-видимому, еще более совершенен, чем текст на молекулярном уровне. Нельзя повторить (угадать, описать, установить) то, что человек создает за свою жизнь в речи, в мыслях.

Активное включение современника в текст, беспрецедентное погружение его в речевую практику может стать возрождением вербалистики, а значит, действенного поиска быть услышанным. «В европейской интеллектуальной атмосфере с эпохи Ренессанса центральное место в целостном видении мира занимала идеология гуманизма. Ход истории, в том числе и развитие науки нашего времени, привел к ее редукции до убогого антропоцентризма и превосходства цивилизации над культурой. Она может даже отвергнуть культуру, из которой выросла, однако трудно сказать, переживет ли это. Сегодняшнее кризисное время нуждается в новом ренессансе и новом гуманизме, в том числе в так

¹ В то время это слово писалось через букву «е».

называемой третьей культуре, интегрирующей точные науки и пренебрегаемые ныне науки гуманитарные. Роль гуманитарных наук заключается, кроме всего прочего, в том, чтобы содействовать росту общественной рефлексивности. И здесь есть место для лингвистики, в том числе и для стилистики» [2, с. 19].

В августе 2013 г. в Минске на XV Международном съезде славистов была создана медиалингвистическая комиссия, в состав которой вошли ученые России, Беларуси, Украины, Польши, Словакии, Болгарии, Испании, Австрии, Германии, США, Китая, Турции и др. Тогда и состоялось аффилирование интегрированного научного направления в сферах речеведения и журналистики – медиалингвистики. Этому предшествовала большая работа многих ученых в советский и постсоветский периоды. Многосторонняя деятельность комиссии хорошо скоординирована и плодотворна, в чем несомненная заслуга ее председателя – заведующего кафедрой речевой коммуникации СПбГУ, доктора филологических наук, профессора Лилии Дускаевой.

Медиалингвистические центры формировались прежде всего на соответствующих кафедрах факультетов журналистики: речевой коммуникации (СПбГУ; ранее кафедра стилистики и редактирования, а затем кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации), стилистики русского языка (МГУ), стилистики и литературного редактирования (БГУ) и др. На профильных кафедрах закладывались основы медиалингвистики – стилистика публицистических жанров, лингвистика публицистического текста, дискурсный анализ СМИ (БГУ), практическая стилистика, стилистика текста (МГУ), теория речевой коммуникации, культура речи журналиста, лингвистический анализ жанра статьи (СПбГУ).

Белорусская медиалингвистика берет начало с работ М. Е. Тикоцкого, А. И. Наркевича, С. М. Грабчикова, М. П. Карпович, в основе которых, несомненно, теоретическое осмысление трудов К. И. Былинского, Д. Э. Розенталя, Г. Я. Солганика, К. А. Роговой и др. Устремления ученых объединял поиск как методологии исследования речевой организации СМИ, так и преподавания языковых дисциплин на факультетах журналистики.

Изучение языка в целях инструментального использования принципиально отличалось от рассмотрения его в структурном плане. Исследовать языковой факт вне системы – значит не видеть его в действии, пренебречь персуазивным эффектом: для чего были использованы те или иные слова, формы, словосочетания, предложения; почему существует текст как целостная система взаимосвязанных единиц; какую функцию в речи выполняет сам текст? Будущему журналисту важно знать

язык в виде элементной структуры (парадигмы), однако более значимым для него является понимание языкового варьирования (синтагматики), бесчисленных семантических комбинаций, заданных стилистической перспективой. Так рождается творчество, которое не может нивелировать стандарт. Именно последний долгое время «держал моду» в медиатексте.

Современная медиаречь деконструировала соотношение стандарта и экспрессии в сторону последней. Достигается это не только на вербальном, но и на визуальном, акустическом, парасимвольном, симулярном уровнях. Языковой знак в таком рассмотрении выходит за рамки, узаконенные лексикой и грамматикой (в общем – языковой традицией), и приобретает черты новой формы, связанной с параметральной действительностью настолько, насколько это подвластно авторскому изобретению. Иными словами, медиатекст – не замкнутая в себе система, а такой же элемент действительности, как и сам его создатель. Существуют они похоже: нельзя повторить «текстовый облик» человека, как и его ДНК-образ. Под «медиалингвистическим микроскопом» исследователь способен рассмотреть и социальный знак, и текстовый маркер журналиста.

Стилистика в XX в. пользовалась особым вниманием лингвистов. Ее называли «душой» каждого развитого языка. Появлялись многочисленные направления: стилистика кодирования, стилистика декодирования, стилистика языка, стилистика речи, стилистика текста, а также стилистика синхроническая, диахроническая, сопоставительная, типологическая, функциональная, речеведческая, ресурсов, структурная, практическая, экспрессивная, аналитическая стилистика и т. д.

Традиционная стилистика ресурсов уступила место процедурной (динамической, речеведческой). Этому способствовали научные труды ученых, которые изучали язык в действии, в речевом воплощении, как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, объединенных системой текста.

Станислав Гайда считает, что «в стилистике Центрально-Восточной Европы до настоящего времени доминировал стилистический образ мира, представленный функциональной стилистикой. Изменения в самой лексико-стилевой действительности, а также в ее новых исследовательских подходах затуманили/деформировали этот образ, он уже не является достаточно адекватным» [2, с. 20].

Однако обращение к функциональной природе речи позволило расширить диапазон исследований, связанных с включением в стилистическую проблематику ранее даже непредполагаемых направлений: «С развитием диахронического аспекта функционально-стилистических исследований

в сочетании с использованием данных и методов гносеологии, психологии, социологии, науковедения и т. п. создается возможность не абстрактно в общетеоретическом плане, а конкретно изучать проблемы взаимодействия языка/речи и мышления, различных “типов рациональности” (или стилей мышления) в истории развития общества. Кроме того, глубже понять и описать, например, законы построения, развертывания и интерпретации смысловой структуры научного текста» [4, с. 63].

Несмотря на недавнее забвение стилистики, в XXI в. интерес к ней растет. «Сам термин “стилистика” или исчезает из научного обихода, – отмечает Станислав Гайда, – или же остается в силу традиции и инерции. Стилистику пытаются заменить новые субдисциплины, теории, исследовательские поля, обозначенные такими терминами, как “прагмалингвистика”, “социоллингвистика”, “теория/анализ дискурса” и т. д. Они занимаются разнообразными аспектами функционирования языка. Может ли стилистика выжить? Кажется, однако, что положение стилистики во гроб было бы решительно преждевременным» [2, с. 17].

Так, в 2013 г. профессор Гайда горячо поддержал предложение возобновить работу стилистической комиссии при МКС, которая продолжила деятельность комиссии по славянской поэтике и стилистике, созданной в 1961 г. президиумом МКС. Последняя функционировала (с перерывами в 1988–1998 и 2008–2013 гг.) под руководством В. В. Виноградова, С. Скварчиньской, Я. Тшинадловского и И. Поспишила. В настоящее время ее возглавляет профессор МГУ Н. И. Клушина. Успешная деятельность комиссии – свидетельство новых научных поисков и уточнения предмета и задач стилистики. Об этом ясно высказался на IV Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра», состоявшейся в Москве в 2016 г., профессор Г. Я. Солганик: «Можно полагать, что лингвистика и стилистика в ее составе подошла к такому рубежу, когда вполне уместно задуматься над оправданностью, целесообразностью такой структуры стилистики. Некоторые исследователи говорят о кризисе стилистики. Он свидетельствует о том, что стилистика ищет новые пути развития. Это путь любой науки. Стилистика не исключение» [5, с. 536].

Развитие стилистических учений и становление самой стилистики в Беларуси неразрывно связаны с именем доктора филологических наук, профессора М. Е. Тикоцкого.

Основополагающей работой, в которой язык и стиль СМИ в Беларуси рассматривались системно, явилась его докторская диссертация «Проблемы языка и стиля публицистического произведения», представленная к защите в 1972 г. Инициировав в 1969 г. создание кафедры стилистики и литературного редактирования в Белорусском государст-

венном университете и возглавив ее, Михаил Евгеньевич Тикоцкий своими научными работами кардинально повлиял на становление белорусской стилистики.

Ученый дает ответ на обострившуюся в те годы полемику о специфике публицистики, ее предмете и функциях, жанровой и видовой дифференциации. М. Е. Тикоцкий показал, что признание равноправия «публицистики среди других видов литературного творчества» ведет к «эстетической нивелировке произведений публицистики и художественной литературы, к попытке оценивать качество публицистического произведения всеобщей мерой искусства» [6, с. 4]. Углубляясь в дискуссию, начатую журналом «Вопросы литературы» в 1970-х гг., исследователь задается вопросом: «Почему публицистика – жанр (а не вид или род) литературы и почему именно художественной, а не общественно-политической?» [6, с. 5].

В подходе к специфике публицистики М. Е. Тикоцкий усматривал узость и односторонность попыток противопоставить «художественную» публицистику «деловой». Добиваться, чтобы «каждое публицистическое произведение... было одновременно художественным (по-своему!) и деловым – в этом своеобразном синтезе нужно видеть основу дальнейшего расцвета нашей публицистики, обогащения ее новыми яркими средствами отображения богатых и многообразных жизненных явлений» [6, с. 6].

Вопрос о том, что есть публицистика и каково соотношение ее с видами литературы, остается открытым. Споры ведутся в зависимости от исследовательских, эмпирических и профессионально опосредованных предпочтений.

Профессор М. Е. Тикоцкий ценил в публицистике аналитическое начало, которое подталкивает читателя к размышлениям, побуждает к действию: «Настоящая публицистика начинается там, где есть мысль, где ведется поиск причин тех или иных общественных и экономических явлений» [6, с. 52].

Сегодня эти слова чрезвычайно важны. Суть их применима к нашей информационной жизни. Современная журналистика призвана сконцентрироваться на трех задачах:

- 1) информируя, доказать истинность того, о чем сообщается;
- 2) побудить аудиторию к действию;
- 3) влияя на ее эмоциональное состояние, завоевывать симпатии, склонить на свою сторону.

Журналистика приобрела выраженные авторские черты, где явно присутствует говорящий, который думает, рассуждает, анализирует, обобщает и делится своим мнением с аудиторией. Он индивидуален, персонифицирован, и его мнение – одно из многих. Актуальность такого мнения во многом зависит от коммуникативных качеств сообщаемого:

речевое действие (локуция) предполагает наличие прагматического компонента, выражающего смысл и цель (иллокуции), что приводит к достижению эффекта (перлокуции). В отличие от господствующего в советское время «анализизма» передовой статьи, обезличенной, пропагандистской и трафаретно заданной, профессиональная колумнистика и блогерская журналистика придали анализизму «человеческий вид», призвав авторов стать коммуникативными лидерами.

Предвидение таких перемен «в действии» публицистики есть в докторском исследовании М. Е. Тикоцкого.

Анализируя работы советских лингвистов, ученый предостерегал: «К языку и стилю газеты в целом или отдельного публицистического произведения нельзя подходить с теми же мерками, что и к произведениям художественной литературы. Судить о качестве газетной речи можно только по внутренним, имманентным законам этой речи» [6, с. 6]. М. Е. Тикоцкий в последующем много говорил об эстетике публицистического слова. Им же был разработан авторский курс «Эстетика публицистического слова».

Разделяя большой интерес в те годы к развитию публицистического стиля, М. Е. Тикоцкий выработал свой взгляд: «Настоящей движущей силой стиля публицистики, любого литературного произведения, его “внутренней пружины” является исследовательская, творческая мысль, идея автора» [6, с. 7]. Это требует комплексного подхода к проблемам стилистики, при котором «языковые средства, стили речи ставятся и изучаются во взаимодействии и взаимосвязи с другими элементами литературного произведения, главным образом во взаимодействии стиля и содержания, идеи и стиля, он [комплексный подход] открывает широкие возможности и перспективы для стилистики публицистических жанров» [6, с. 10]. Таким образом унифицируется мысль В. В. Виноградова о тенденции к объединению лингвистических и литературоведческих концепций формы и содержания [7, с. 104].

Напомним, что выработке такого представления предшествовала творческая дискуссия 1959–1960 гг. «Слово и образ», по поводу которой академик В. В. Виноградов писал: «Вопрос об образе переносится в сферу общей эстетики, а тем самым выдвигается пока еще неразрешенная и сложная проблема о необходимости разграничения двух стилистических аспектов изучения структур словесно-художественных произведений в сфере поэтики и стилистики художественной литературы, а именно аспектов – стилистики лингвистической и стилистики литературоведческой, связанной с теорией других искусств» [8, с. 115–116]. Критически оценивая концепцию А. И. Ефимова о слове и образе [9; 10], статьи П. Пустовойта [11], В. Назаренко [12], В. Турбина [13], П. Палиевского [14], Ю. Рюрикова [15],

А. Чичерина [16], Л. Поляк [17], Д. Шмелева [18], В. Левина [19], В. В. Виноградов показал, что вопрос об образности художественного или поэтического языка сложен и функционально многообразен: «Он во всяком случае не сводится к проблеме переносного словоупотребления слов и выражений, к проблеме тропов, метафор и сравнений. Он относится к центральным вопросам эстетики художественного слова» [8, с. 123].

Полемизируя с А. М. Пешковским по теории «общей образности» слов, А. И. Ефимов выделял в художественном произведении «сплав литературных образов и образных (а также необразных) речевых средств» [9, с. 23], называл образные речевые средства в качестве конструктивного элемента в художественном произведении, проводил резкую специализацию образности как категории литературоведческой и языковой [9, с. 22].

Как указывал М. Е. Тикоцкий, в синтезе лингвистической и литературоведческой направленности исследования текста заложено оптимальное разрешение диалектического единства формы и содержания. Это соответствовало выводу авторитетного советского ученого В. В. Виноградова: «Тенденция к объединению лингвистических и литературоведческих концепций формы и содержания словесно-художественного произведения на основе углубленного синтеза их, на основе изучения смысла, идеи, замысла как словесно-структурного элемента художественного целого плодотворна и перспективна» [7, с. 104].

Тикоцкий-исследователь обращался еще к одной важной проблеме публицистического стиля – сочетания в тексте стандарта и экспрессии. «Высказывается мнение о том, – говорил он, – что развитие публицистического стиля определяет постоянная борьба между двумя противоположными тенденциями – стремлением к стандартизованности, штампованности в языке, с одной стороны, и стремлением к максимальной экспрессивности, “живости” изложения, – с другой» [6, с. 6]. Осмысливая концепцию В. Г. Костомарова [20] (шаблонизация языка газеты вызывается ростом экспрессивности и, в свою очередь, вызывает экспрессивность), профессор М. Е. Тикоцкий указывал на односторонность подобных рассуждений, так как они дают «только внешнее, формальное представление о предмете» [6, с. 7]. «Главный недостаток современных лингвистических теорий публицистического стиля, – считал ученый, – заключается в узком, одностороннем, недифференцированном подходе к специфике и функциям газеты, недооценке индивидуального фактора в ней» [6, с. 7].

Последователи теории штампованности газетного языка считали, что словарный состав языка газеты однозначно фиксированный и представлен устойчивыми словосочетаниями заданных рамками

новостей. По мнению Г. О. Винокура, журналистская деятельность полностью автоматизирована: «Небольшой словарный запас газетной речи отличается совершенно исключительной механизированностью. В газетной речи нет почти ни одного слова, которое не было бы штампом, клише, шаблоном. Наиболее употребительные слова из газетного лексикона – уже не слова, а своего рода термины. Газетная лексикология есть *sui generis* терминология. И недаром принято называть “газетной прозой” неудачное поэтическое произведение. В газетном языке как раз не хватает того, что составляет основу поэзии, позволяющей ощутить каждое слово заново, словно в первый раз его слышишь» [21]. Суждения талантливого ученого-филолога, много полемизирующего с литературоведами, лингвистами и философами, подтверждают его концепцию: поэтическую функцию можно решительным образом противопоставить общекоммуникативной направленности языка, потому что она (функция) усложнена эстетическими коннотациями. Это обусловлено узко эмпирическим подходом к языковому материалу, в котором не просматривается необходимость качественных характеристик последнего, не дается оценка эстетике публицистического текста: «Итак, я продолжаю утверждать, что штампованность, механичность есть неотъемлемое качество, притом качество в данных социально-культурных условиях положительное, всякой газетной речи. Эта механичность, этот шаблон необходим для того, чтобы газета могла правильно выполнять свою культурную функцию. И не надо думать, будто штампованный язык нашей печати обязан своим происхождением только невежеству или бесталанности нашей пишущей публики» [21].

Вывод, к которому пришел ранний Г. О. Винокур, неутешителен: «Газетные штампы приходится поэтому подновлять, заменять, в чем лучшей помощницей газетной речи является сама социальная действительность, снимающая с очереди старые вопросы и темы и выдвигающая новые. Важно, однако, помнить, что когда изношенное словарное клише сдается в архив, оно заменяется хоть и новым, но все же клише. Сегодня это “керенщина”, завтра – “германская керенщина”, сегодня – “смычка с крестьянством”, завтра – “союз с крестьянством”, но суть дела не меняется. Иными словами, словарь газеты всегда носит характер фразеологии, т. е. суммы фиксированных, штампованных речений с заранее известным уже, точно установленным, механизированным значением, смыслом» [21].

Фиксируемая Г. О. Винокуром проблема породила многочисленные дискуссии в среде рабкоров: каким должен быть язык газеты? Своеобразным ответом на вопрос стала статья ученого «Язык нашей газеты», вышедшая в 1924 г. После обзора работ современников и анализа публикаций рабкоров

«Правды», вызванных обсуждением работы Льва Троцкого «Вопросы быта», он приводит доводы своим оппонентам – активным участникам совещания рабкоров Вячеславу Карпинскому и Льву Сосновскому: «Да, писать нужно просто. И конечно, писать просто – это самое трудное. Писать просто можно только тогда, когда в совершенстве владеешь механизмом литературного языка. Но если это действительно так, то давайте учиться, работать так, как делал это Пушкин, а не будем завидовать лаптям, лучинам и “показательному хозяйству – шкафу”. Не будем говорить, что “борзописцев” повернуть легче, чем массу. Не будем разучиваться писать на литературном языке» [21].

Профессор М. Е. Тикоцкий решительно возражал против подобных подходов к изучению языка и стиля газеты: «Главный недостаток лингвистической теории газетного языка – очень общий подход к нему, изучение языка без учета разнообразия жанров и их особенностей, подход, дающий лишь внешнее представление о предмете и искажающий перспективу его рассмотрения» [22, с. 25–26]. Ученый убеждал: «Плодотворная разработка эстетики газетной речи возможна только на основании углубленных и разнообразных исследований языка газеты на всех его уровнях, и “не вообще языка газеты, а языка газетных жанров”» [22, с. 28].

Дискутируя с Г. О. Винокуром, М. Е. Тикоцкий указывал на тот факт, что после 1920-х гг., когда «советские газеты еще только искали новые пути, еще только начинали перестраиваться» [6, с. 7], прошло полвека. Усилилась роль радио и телевидения, с которыми газета не может и не должна конкурировать. «На ее долю выпадает теперь качественно иная, более ответственная и более творческая задача: живо и ярко, “по-своему” комментировать события и факты, публицистически их осмысливать, делиться своими рассуждениями и выводами с читателями» [6, с. 8]. Далее ученый говорил о новых формах «публицистических выступлений», таких как «Раздумье», «Письмо из редакции», «Командировка по просьбе читателей», «Обозрение» и др., в которых важными для читателя являются личные мысли журналиста, индивидуальный взгляд на те или иные проблемы.

Настойчивое видение в газетном тексте эстетического начала, понимание роли перераспределения функций СМИ приводят к сегодняшнему образу мыслей о месте современных медиа и особенностях организации медиатекста.

М. Е. Тикоцкий обращал особое внимание на работы М. Н. Кожиной, в которых указывалось на то, что «характер языковой “ткани” (потока речи в ее языковых средствах и их системе или структуре) определяется характером мысли, отражает последний» [6, с. 10]. Позже пути исследований двух ученых пересекались, предопределяясь интересом к проблемам функциональной стилистики.

Научный взгляд М. Н. Кожиной на стилистику как эволюционную науку послужил отправной точкой для развития парадигмы динамической (речеведческой) стороны исследований языка и стиля, связанной с экстралингвистическими факторами коммуникации и осознанием стилистической сути локутивного действия, иллюкутивной установки и перлокутивного эффекта.

Известно, что в первой половине минувшего столетия основным аспектом изучения языка был структурно-системный. «Одно из гениальных открытий в истории языкознания, – справедливо утверждает М. Н. Кожина, – это двуаспектность языка, а именно различие системы языка (в терминологии В. Гумбольдта – *ergon*, т. е. кладовая, продукт, совокупность языковых единиц) и его функционирования, динамической стороны (*energeia* – употребление языка, узус). Если одна из сторон единства *ergon* – *energeia*, а именно структурно-системный аспект языка, уже в достаточной степени изучена, то исследование функциональной – иначе речеведческой – стороны языка, причем как лингвистического, а не лишь психологического феномена, началось недавно» [4, с. 13].

Язык является формой знаний о действительности, аккумулирует опыт реальных сообществ, опосредованно отражающий глубинные структуры их социального бытия. В лингвистических и смежных исследованиях последних десятилетий утверждается область научных интересов, в которую входят семиотическая связь между явлениями жизни, презентация их в языке не только на интралингвистическом уровне, призванном обеспечивать технологическую функцию коммуникации, но и на уровне иллюкутивных сил, включающих в себя многочисленную гамму речевой деятельности. «Большим достижением лингвистики XX в. явилось изучение системы языка, его структурной организации. Однако случилось так, что оно заслонило некоторые существенные признаки языка (в том числе особенно актуальные для стилистики). В настоящее время в связи с развитием коммуникативно-функциональных направлений исследования языка обнаруживается интерес к его функциональной стороне, к речи, к тексту, в целом к комплексу речеведческих дисциплин» [4, с. 13].

С точки зрения современных представлений об устройстве науки о языке стилистика могла бы включиться в теорию языкового варьирования, где фиксируется одно и то же содержание, но при этом дополнительно сообщается об отношении говоря-

щего к коммуникативной ситуации, к содержанию высказывания, к адресату и самому себе. Стилистические варианты рассматриваются с точки зрения их образования, сферы употребления и принципов отбора в зависимости от целей речевой ситуации.

Переосмысливая фундаментальный труд М. Е. Тикоцкого «Проблемы языка и стиля публицистического произведения», можно с уверенностью утверждать, что его докторское исследование стало фундаментом развития белорусской стилистики в целом и стилистики публицистических жанров в частности. Профессор М. Е. Тикоцкий стал основателем школы белорусской стилистики. Однако если русская стилистика имела для развития мощный арсенал – исследования языка А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и др., – то перед ученым встал вопрос о формировании стилистики белорусского языка без такого важного материала. Значительно позже появилось множество работ по изучению языка Якуба Коласа, Янки Купалы, В. С. Короткевича, Кузьмы Чорного, М. Лужанина, Ядвигина Ш., И. П. Мележа и др., в которых синтагматика белорусского языка была представлена во всем многообразии его парадигматических возможностей, речевых вариаций, преломленных через призму индивидуально-авторского стиля.

Современная стилистика определяет способы и приемы организации текста, предполагает выявление и описание каждой микроструктуры – совокупности речевых средств в соответствии с их языковой (вероятностной) реализацией. В связи с этим актуализированы семантические процессы, происходящие в наше время. Их изучение может проходить в русле дискурсного анализа, воплощение которого находим в генерализации текста как сложного коммуникативного явления, иерархии знаний о мире. Разделяя мнение профессора Н. И. Клушиной о тесном взаимодействии дискурсологии и медиастилистики [23], отметим, что следует четко разграничивать терминологическую демаркацию этих понятий, основанную на «социальном измерении» и системе стилистических доминант текста. В ракурсе лингвистического изучения попадают сложнейшие явления, связанные с устройством общественной жизни, с тем, как конкретный носитель языка воспринимает и выражает окружающий мир. И человек неповторим в том, что открывает перспективы изучения его «текстовой жизни» в реальном (устном/письменном) и виртуальном пространствах, сконструированных по только ему свойственной стилистической модели.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Риторика. Глава XII [Электронный ресурс] // Lib.Ru. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (дата обращения: 16.12.2016).
2. Гайда С. Актуальные задачи стилистики // Актуал. проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 11–21.
3. Белинский В. Г. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (рецензия) [Электронный ресурс] // Lib.Ru. URL: http://lib.ru/LITRA/BELINSKI/s_koshanskij.txt (дата обращения: 16.12.2016).

4. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2008.
5. Солганик Г. Я. О предмете стилистики русского языка // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 апр. 2016 г.). М., 2016. С. 536–539.
6. Тикоцкий М. Е. Проблемы языка и стиля публицистического произведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.642. Минск, 1972.
7. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
8. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
9. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957.
10. Ефимов А. Образная речь художественного произведения // Вопр. лит. 1959. № 8. С. 91–108.
11. Пустовойт П. Через жизнь – к слову // Вопр. лит. 1959. № 8. С. 109–120.
12. Назаренко В. Язык искусства // Вопр. лит. 1958. № 6. С. 69–96.
13. Турбин В. Что же такое стиль художественного произведения // Вопр. лит. 1959. № 10. С. 117–134.
14. Палиевский П. Образ или «словесная ткань» // Вопр. лит. 1959. № 11. С. 84–99.
15. Рюриков Ю. Тропинка тропов и дорога образов // Вопр. лит. 1960. № 4. С. 148–167.
16. Чичерин А. Идеи и стиль // Вопр. лит. 1960. № 2. С. 70–79.
17. Поляк Л. Мастерство критика // Вопр. лит. 1959. № 9. С. 91–112.
18. Шмелев Д. Можно ли отвлечься от «речевой оболочки» // Вопр. лит. 1960. № 4. С. 136–147.
19. Левин В. Язык художественного произведения // Вопр. лит. 1960. № 2. С. 80–90.
20. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
21. Винокур Г. О. Язык нашей газеты [Электронный ресурс] // RUZHENIA. URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2979.html> (дата обращения: 14.10.2016).
22. Цікоцкі М. Я. Стылістыка публіцыстычных жанраў. Мінск, 1971.
23. Клушина Н. И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Г. Я. Солганика [и др.]. М., 2014. С. 177–182.

References

1. Aristotel'. Ritorika. Glava XII [Electronic resource]. *Lib.Ru*. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (date of access: 16.12.2016) (in Russ.).
2. Gajda S. Current tasks for stylistics. *Aktual. probl. stilist.* 2015. No. 1. P. 11–21 (in Russ.).
3. Belinskii V. G. Obshchaya ritorika N. F. Koshanskogo (Retsenziya) [Electronic resource]. *Lib.Ru*. URL: http://lib.ru/LITRA/BELINSKII/s_koshanskij.txt (date of access: 16.12.2016) (in Russ.).
4. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. Stilistika russkogo yazyka. Moscow, 2008 (in Russ.).
5. Solganik G. Y. O predmete stilistiki russkogo yazyka [On the subject of the stylistics of the Russian language]. *Stilistika segodnya i zavtra : materialy IV Mezhdunar. nauchn. konf. (Moscow, 28–30 April, 2016)*. Moscow, 2016. P. 536–539 (in Russ.).
6. Tikotskii M. E. Problemy yazyka i stilya publitsisticheskogo proizvedeniya : avtoreferat dissertatsii ... doktora filol. nauk : 10.642. Minsk, 1972 (in Russ.).
7. Vinogradov V. V. O teorii khudozhestvennoi rechi. Moscow, 1971 (in Russ.).
8. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika. Moscow, 1963 (in Russ.).
9. Efimov A. I. Stilistika khudozhestvennoi rechi. Moscow, 1957 (in Russ.).
10. Efimov A. Obraznaya rech' khudozhestvennogo proizvedeniya [An abstract speech of a work of art]. *Vopr. lit.* 1959. No. 8. P. 91–108 (in Russ.).
11. Pustovoyt P. Cherez zhizn' – k slovu [Lifelong way to word]. *Vopr. lit.* 1959. No. 8. P. 109–120 (in Russ.).
12. Nazarenko V. Yazyk iskusstva [Language of art]. *Vopr. lit.* 1958. No. 6. P. 69–96 (in Russ.).
13. Turbin V. Chto zhe takoe stil' khudozhestvennogo proizvedeniya [What is the style of a work of art?]. *Vopr. lit.* 1959. No. 10. P. 117–134 (in Russ.).
14. Palievskii P. Obraz ili «slovesnaya tkan'» [The image or «verbal fabric»]. *Vopr. lit.* 1959. No. 11. P. 84–99 (in Russ.).
15. Ryurikov Y. Tropinka tropov i doroga obrazov [Path of paths and road of images]. *Vopr. lit.* 1960. No. 4. P. 148–167 (in Russ.).
16. Chicherin A. Idei i stil' [Ideas and style]. *Vopr. lit.* 1960. No. 2. P. 70–79 (in Russ.).
17. Polyak L. Masterstvo kritika [Skill of the critic]. *Vopr. lit.* 1959. No. 9. P. 91–112 (in Russ.).
18. Shmelev D. Mozhno li otvlech'sya ot «rechevoi obolochki» [Can one distract from the «speech shell»]. *Vopr. lit.* 1960. No. 4. P. 136–147 (in Russ.).
19. Levin V. Yazyk khudozhestvennogo proizvedeniya [Language of the work of art]. *Vopr. lit.* 1960. No. 2. P. 80–90 (in Russ.).
20. Kostomarov V. G. Russkii yazyk na gazetnoi polose. Moscow, 1971 (in Russ.).
21. Vinokur G. O. Yazyk nashei gazety [Electronic resource]. *RUZHENIA*. URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2979.html> (date of access: 14.10.2016) (in Russ.).
22. Cikocki M. Ja. Stylistyka publicystycznych zhanrow. Minsk, 1971 (in Belarus.).
23. Klushina N. I. Diskurs i stil': puti i perekrestki sovremennoi lingvistiki [Discourse and style: ways and crossroads of modern linguistics]. *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty*. Moscow, 2014. P. 177–182 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.12.2016.
Received by editorial board 12.12.2016.